

ПРИКАЗИ И КРИТИКА

ISSN 0350-185x, LXV (2009), p. (425–432)
УДК: 903.2:003.072=16(049.3) ; 801 Кульбакин С. М. (049.3)
ID 169701900

С. М. Кульбакинъ. *Славянская палеография*. – Бѣлград, 2008.

Книга содержит 170 страниц основного текста и 65 страниц Приложения, где даны фотографии из семейного альбома автора, а также фотографии его научных трудов и наград; в основном тексте даны цветные таблицы орнаментов византийского, тератологического, балканского и нововизантийского стиля; в приложении даётся также список прижизненных публикаций автора. Таким образом, это – книга автора и об авторе.

Удивительна судьба этой книги: она опубликована лишь через 80 лет после её написания, почти через 70 лет после смерти её автора, в Сербии, хотя это русский текст, да ещё в старинной, дореформенной орфографии, в приложении на сербском языке дана современная критическая заметка об этой книге известного русского палеографа А. А. Турилова, где этот рецензент утверждает, что „в области глаголической палеографии... книга Кульбакина оказывается – как ни странно это звучит – одним из последних слов в науке“. Как такое может быть? Ведь только искусство вечно, а в науке 80 лет – это огромный срок! Например, безнадежно устарела книга В. А. Истрина „1100 лет славянской азбуки“, опубликованная к юбилею этой азбуки в 1963 году, где автор утверждал первичность кириллицы перед глаголицей, награждая последнюю нелестными эпитетами за её, якобы, „сложность“ и „вычурность“. Такой книги у Истрина вообще могло не быть, если бы он вовремя познакомился с этой замечательной работой С. М. Кульбакина, где в рассказе о появлении у славян азбуки, сопоставляются глаголица и кириллица, и даётся вся история глаголицы. К сожалению, история кириллицы в этой книге лишь начата, но в рассказе о глаголице и в сопоставительных таблицах кириллица всё время присутствует как пример для сравнения.

Парадоксальность книги Кульбакина ещё и в том, что она сейчас, пожалуй, актуальнее, чем была бы 80 лет назад. Тогда, 80 лет назад, каждый славист был обязан заниматься историей языка, знакомиться с первоисточниками, т. е. уметь читать памятники письменности. Сейчас, в наши дни, лингвисты настолько увлеклись синхронией, что их история, диахрония, остались в пренебрежении: филологи-слависты ещё могут (в лучшем случае) объяснить, что изучает палеография или эпиграфика, но сами, порой, не умеют прочесть ни рукописных книг, ни эпиграфических памятников. Палеографы вымирают. Оставшиеся, „последние из могикан“ с грустью констатируют груды непрочитанных рукописей ушедших веков в монастырях, музеях, библиотеках и других рукописных хранилищах. Впрочем, в наши дни тревогу вызывают и груды непрочитанных печатных изданий: завершается Эпоха Гутенберга! Ей на смену пришёл Интернет! Тут уж не до рукописных книг, когда уже не только книги вообще мало читают, но даже и не пишут больше от руки: только клавиши, кнопки, кнопки...

И вот, как „Благая Весть“, появляется эта книга. Она возвращает нам нашу забытую первую славянскую письменность – глаголицу, показывает её красоту совершенство графическое и графемное, её максимальное соответствие фонетической системе старого славянского языка. Книга показывает, что подлинными преемниками византийской культуры стали югозападные славяне, причём, не просто преемниками, но и преобразователями, поскольку создали из греческого письма *свою* письменность, приспособленную к передаче своего языка. В наши дни, когда идёт спор за мировое господство латиницы, и кириллица в ряде стран готова уступить ей свои позиции, особенно актуально вспомнить, что у славян была ещё одна своя письменность – это глаголица. И в то время, когда на европейском Западе царила неграмотность, а письменность древних римлян была ещё введена даже некоторым европейским королям, славяне имели такую роскошь, как сразу две своих письменности: глаголицу и кириллицу. Это было время, когда письмо было искусством, и каждая книга была произведением этого искусства: дорогой писчий материал – пергамен, роскошные орнаменты: миниатюры, заставки, инициалы, где каждая буква – как шедевр графики и живописного искусства. В книге Кульбакина даётся и описание этих шедевров, и цветные таблицы, демонстрирующие эти шедевры. Однако специфика и уникальность этой книги – в другом: это

– книга не для широкого круга читателей, но для каждого любознательного ума, так как эта учёнейшая книга позволяет каждому своему читателю самому стать палеографом и активно участвовать в полемике учёных: будь то спор о приоритете глаголицы или об источниках происхождения её отдельных букв. С. М. Кульбакин так рассказывает и показывает отдельные детали этих букв, что читатель их начинает острее видеть, запоминать детали и в конце концов усваивает весь глаголический алфавит. Ничего не утверждается голословно, высказываются все аргументы „за“ и „против“, и читатель сам решает, что для него убедительней. Вдруг по-новому ощущается не только неразрывная связь, но и разница между греческим письмом и славянскими азбуками: да, глаголица восходит к греческому курсиву; да, и в глаголице присутствует стиль геометрических фигур: кругов, треугольников и квадратов, так свойственный греческим буквам; да, и симметрия как основополагающая черта не только греческого искусства, но и греческой грамматики, тоже очень чётко отражена в буквах глаголицы; но в то же время принципиальная разница между греческим письмом и славянскими азбуками состоит в том, что для греков их письменность не была священной! Греческие буквы стали священными, лишь войдя в славянские алфавиты, поскольку эти алфавиты и были созданы для записи священного писания. Отсюда и красота этих священных славянских букв, и любование ими у славянских книжников. Причём, наиболее священными оказались так называемые „лишние“ буквы славянского алфавита. Вспомним правило древнерусского книжника: „пса псями не пиши!“, т. е. „не смей употреблять священную букву „пси“ для называния этого нечистого животного“, но ведь „П“ и „С“ – тоже из греческого алфавита и тоже священны; значит, „пси“ – священнее?..

Обожествление знаков письма было чуждо культурной традиции древних греков. Prestиж письма был невелик: хотя писать умели все свободные граждане (об этом свидетельствует письменный способ голосования – остракизм), но грамматист – учитель письма в начальной школе – ценился гораздо меньше, чем учитель риторики – умения красиво говорить. Лишь придя вместе с Александром Македонским в Египет и восприняв всегда существовавший в египетской культуре культ письменного слова, письменных текстов, греки назвали египетские знаки письма священными (= иероглифы) и признали престиж книг.

Солунских братьев их высокая миссия – донести Слово Божие славянам, подвигла и к переводу с греческого на славянский язык самого христианского учения, и к письменной фиксации этого перевода, а для этого нужна была особая, новая, специально для передачи христианского учения созданная, система письма. И они создают такую систему. Долгий спор: какая из славянских азбук появилась раньше – глаголица или кириллица, завершён в пользу глаголицы уже в наши дни. Кульбакин решил этот вопрос ещё тогда, в 20-е годы, когда написал эту книгу. В ней он приводит сопоставительные таблицы греческого курсива и унциала с глаголической и кириллической азбукой так, как они приведены у Тэйлора и Ягича, и читатель имеет возможность сам вместе с Кульбакиным поучаствовать в рассмотрении каждой глаголической буквы во всех её вариантах, сравнивать с греческим праобразом, где-то соглашаясь с В. Ягичем, а где-то и оспаривая его выводы так, как это делает С. М. Кульбакин. Вместе с автором читатель погружается в догутенбергскую эпоху славянских книжников. В ту эпоху высокого искусства письма, когда писец, переписывая тексты, выполнял тем самым священную миссию, и сами буквы были здесь священными: их графический образ был Божиим знаком, а семантика буквы, её голос, был воистину „гласом Божиим“. И, как всем творениям Божиим, так и этим буквам были даны имена. Так, с христианством пришёл к славянам культ письменного слова. В эпоху культуры устного слова материальным воплощением языка стала книга. Текст стал прежде всего зрительным рядом, а не звучанием. Звучание, т. е. чтение стало вторичным. Именно в эту эпоху главным воплощением слова стали буквы.

При рассмотрении истории возникновения славянских азбук из их греческих первообразов возникает вопрос: почему глаголица создаётся из греческого курсива, т. е. из бытового черногого письма, а кириллица – из греческого унциала, т. е. торжественного книжного письма? – Да именно потому, что глаголица появилась раньше! Сначала, взяв привычный бытовой греческий курсив, создатель глаголицы повысил буквы в ранге, придав им стилизацией торжественность и сакральность, а потом, по образу и подобию глаголицы и уже со статусом священности приспособляется и греческий унциал под славянские нужды, и таким образом получаем кириллицу. А раз уж все буквы стали священными, то лишних букв быть не мо-

жет, поэтому теперь включаются в состав кириллицы и „кси“, и „пси“, которых не было в глаголице.

В книге С. М. Кульбакина однако рассматривается не только графическая сторона славянских азбук, значительное место уделено здесь и тому, как они были приспособлены передавать фонетическую систему славянских языков. Отмечая связь и сходство между двумя славянскими азбуками, в частности, в наборе специальных букв для передачи славянских шипящих, т. к. подобных фонем не было в греческом языке, и, следовательно, не было таких греческих букв, автор обращает внимание и на отдельные, но существенные различия в способах передачи некоторых славянских звуков в глаголице и в кириллице. Прежде всего это относится к уникальной глаголической букве (ћерв или дервь), которая появляется в глаголице в словах греческого происхождения, как пишет автор: „для обозначения южнославянского звука, произносившегося на месте греческого мягкого Г (ангел и т. п.)“.¹ Здесь следует сразу уточнить: в греческом языке нет мягкого Г. Мягкое ģ с дужкой над ним пишется в кириллице в тех словах, где в глаголице была эта буква „дервь“. А в греческом языке есть палатальная фонема /j/, т. е. йот, которая на письме передаётся перед гласными непереднего ряда с помощью двубуквенного написания γι, напр., гиа (για) читается как [ja], но перед гласными переднего ряда среднеязычный звук йот обозначается буквой „гамма“; поэтому написание ΓΕ в греческом читается как [je]. Следовательно, буква „гамма“ греческого алфавита передаёт разные фонемы в зависимости от позиции: перед согласным или гласным непереднего ряда – гамма передаёт [γ], а перед заднеязычным гамма передает носовой, и наконец, вместе с йотой или перед [e] гамма передаёт [j]. Именно греческое йотованье спровоцировало преобразование греческого имени Георгиос в Йоргос, а в русском языке дало Егор и как результат бодуэновской, т. е. прогрессивной палатализации, – Юрий из Йейорий. Греческим буквам больше двух с половиной тысяч лет, и слово „ангел“ писалось по-гречески так же, как и сейчас, ещё тогда, когда оно обозначало просто вестника, а не Божьего посланца, т. е. ещё задолго до христианства. Однако фонетика его менялась. Всякое буквенное письмо на начальном этапе своего существования использует фонетический

¹ Ук. соч. с. 55.

(или точнее, позиционный) принцип своей орфографии, т. е. „пиши как слышишь“ – ср. орфографические системы древнегреческого, латинского языков или сербское письмо после реформы Вука Караджича; однако, с течением времени фонетика живого языка меняется, и если не проводить реформы письма, то разрыв между звучанием и написанием всё увеличивается. Однако даже при наличии позиционного принципа орфографии, нельзя передать все звуки, но только те, для которых есть отдельные буквы в алфавите. Всякий создатель нового алфавита – стихийный фонолог. Каждая новая буква создаётся для отдельной фонемы. Однако, если букв оказалось больше, чем фонем, их можно позиционно распределить. Так было и в глаголице: здесь уже есть три буквы для передачи (и), причём они позиционно распределены: одни стоят в начале слов, другие – в конце, т. е. выполняют роль пограничных сигналов, что особенно важно учитывать при отсутствии пробелов между словами в тексте. Ещё одна буква для передачи йота как консонантной ипостаси (и) глаголице не нужна. Значит, эта загодочная буква „дѣрьвь“ создаётся для передачи именно южнославянской, а не греческой фонемы, причём, фонемы палатальной, поскольку ей в сербской кириллице соответствует уникальная буква *ћ*, передающая сербскую фонему (дѣж), т. е. *ћ* не только в заимствованных словах греческого происхождения, но и в исконных сербских словах из народного языка, напр. гра^лѣамь².

Именно поэтому, при всём уважении к С. М. Кульбакину, позволительно будет не согласиться с ним, когда он, противореча сказанному ранее им самим, утверждает, что „в число греческих букв помещаю глаголическое ѣ по следующим основаниям: ... звук, передаваемый этой буквой, действительно славянским назвать нельзя, так как он встречался в заимствованных из греческого словах, которые, вероятно, произносились с этим звуком в греческих народных говорах, из коих эти слова были взяты“.³

В то же время нельзя не согласиться с главным выводом Кульбакина: „Глаголицу принесли Первоучители в Моравию, а оттуда ученики их – к южным славянам. Глаголица была, очевидно, господствующим письмом у южных славян в течение всего X в., в

² См. об этом: Ђ. Трифуновић, Ка почецима српске писмености, Београд, 2001, с. 182–183.

³ Ук. соч., с. 84.

частности, в Македонии и всего XI века. Кириллица появилась позже, вероятно, в восточной Болгарии, в связи с полной духовной и культурной зависимостью её от Византии...⁴ Многие ещё можно было бы рассказать об этой работе С. М. Кульбакина: о том, как графемы глаголицы дают возможность судить о фонологической системе представленного ими славянского языка, где не было оппозиции по твёрдости/мягкости у согласных, но был палатальный ряд согласных фонем, с которым связана делабиализация вокалов после палатальных сонорных, отразившаяся в графике в мене юсов: носового О на Е: в появлении делабиализованных гласных Ъ и Ь на месте индоевропейских лабиализованных вокалов, которые принято обозначать латиничными буквами долгого и краткого *Ū/*ū.

Отсутствие йотированных гласных в первоначальной глаголице также свидетельствовало о фонемном принципе глаголической графики, (а не слоговом, как в русском), т. е. каждая буква глаголицы отвечает за свой звук, передаёт свою фонему, а не работает ещё и за соседа. Кстати, с графической путаницей букв кириллицы и латиницы связана досадная опечатка в этой книге на с. 41, где вместе латинского „u“ напечатано кириллическое „й“, и при этом утверждается, что оно – из других индоевропейских языков и ему соответствует славянское „ь“. Конечно, в такой книге, где представлены сразу несколько разных языков и письменностей, встечающиеся опечатки простительны, и они не умаляют огромной заслуги тех, кто подготовил к изданию и опубликовал эту замечательную книгу.

Глаголица уходила постепенно. Из разных краёв – в разное время: сначала её знали и этим знанием гордились, потом, чтобы доказать это знание, как показатель сверхобразованности достаточно было вставить хоть несколько глаголических букв в текст кириллицы. Глаголицу используют как украшение в инициалах, если в тексте рассказывается о славянских древностях, она придаёт особое изящество научным публикациям о славянских письменах (см. уже названную книгу Трифуновича).

В рассказе А. Конан-Дойля „Тайна пляшущих человечков“ в конце рассказа читатель выучивает придуманный автором тайный шрифт, но его дешифровка приводит лишь к раскрытию преступления. Для раскрытия ещё неизвестных пластов славянской культуры

⁴ Ук. соч., с. 80.

глаголицу, у којој был и остаося престиж и статус особой образованности и посващённости, вполне можно было бы воскресить как особый код современного интернет-общения. Книга С. М. Кульбакина любому читателю даёт такую возможность.

Београд

Вера Борисенко-Свинарская